

Когда вокруг лишь тьма, оставайся лучом света

Дорога цветов и огня

18+

Екатерина
Алешина

Екатерина Алешина
Дорога цветов и огня
Серия «Young Adult. Сказки
для взрослых девочек»
Серия «Под небом Эсфира», книга 3

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71547106
Дорога цветов и огня: Эксмо; Москва; 2025
ISBN 978-5-04-217559-6

Аннотация

Для поклонников Скарлетт Сент-Клэр, Трейси Вульф, Дженнифер Арментроут, Рене Ахдие.

Что, если древнее пророчество уже сбывается? Что, если твой мир медленно идет к роковому рубежу?

С того самого дня, как весь Эсфир потрясла новость о приближении кометы «цветок огня», что сулит за собой перемены, магический Триумвират потерял покой. Прошрое опять напоминает девушкам, что ничего не проходит бесследно – странные, жуткие знамения, запутанные обрывки старых пророчеств и пугающие послания из прошлого.

Но даже если завтра мир перестанет быть прежним, сегодня Марьяна хочет просто жить. Впереди – заключительный год в

Академии и отбор для сольной партии в старейшей балетной постановке Эсфира.

А еще у Марьяны есть секрет – нежданно проснувшиеся чувства к Делайлу, другу старшего брата. Она боится своих чувств и надеется, что Делайл ничего не узнает. Но что, если именно это чувство – то, ради чего стоит бороться до конца?

Сможет ли Марьяна удержаться на краю света, когда вокруг неумолимо сгущается тьма?

Заключительная часть трилогии!

Екатерина Алешина пишет романтическое фэнтези, выводя этот жанр на совершенно другой качественный уровень. Ее внимание к деталям мироустройства, описание здоровых отношений и создание пленительной атмосферы поражает воображение любого читателя.

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Самый длинный день в году	13
Глава 2. По закону Вселенной	33
Глава 3. Ваниль и корица	60
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Екатерина Алешина

Дорога цветов и огня

© Алешина Е., 2025

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

* * *

Во Вселенной ничто не происходит случайно...

Пролог

Она появилась на заре миров, в самом начале отсчета времени, когда Создатель разделил Хаос на день и ночь, на небо и землю. Появилась одна для двух планет – Земли и Эсфира.

Ее рождение было волей самого Создателя. Дева Судеб – так ее назвал он сам. Со временем в разных культурах и на разных планетах у нее появилось множество имен: Алайя-рай, Мойры, Норны, Макошь, Судженицы, Иниши, Судьба.

Создатель также получил великое множество имен – Демиург, Ахурамазда, Творец, Аронгиате, Дьяушпитар, Единый, Ан, Тюр, Абсолют, и появилось великое множество легенд и преданий о том, как он сотворил миры.

Дева Судеб не приказывает и не лишает воли. Ее удел – наблюдать, направлять и предоставлять человеку выбор, который и повлияет на его жизненный путь. У каждого из людей ей известно все прошлое и все варианты будущего.

Вечная и вездесущая. Справедливая и беспристрастная. На ее глазах творилась история Земли и Эсфира, изменялись материки и большие воды, строились и разрушались великие цивилизации. Судьбы, которым не было числа за все увиденные Девой эпохи, проносились перед ее взором, становясь прошлым.

У истока миров золотистые глаза Девы Судеб, подобные янтарю, по-детски искрились беззаботной радостью. Но по-

том история миров начала свой отсчет, и Деве, наблюдавшей за судьбами вверенных ей планет, пришлось увидеть все те ужасы, через которые проходили жители Земли и Эсфира. Особенно щедрой на зло и жестокость оказалась Земля, жители которой безрассудно обрекали мир на страдания, погружали планету в разрушительные катастрофы в попытках уничтожить друг друга. Видела это Дева Судеб и не в силах была ничего изменить. Оттого спустя века ее взор затуманился пеленой бельма, что стало хранить ее разум от отчаяния и скорби. «Что поделать, такова, видимо, сущность людей», – смиренно рассуждала Дева.

Ее затуманенные глаза теперь казались слепыми. Однако она по-прежнему видела и знала судьбу каждого жителя двух родных ей планет. Создатель называл это бельмо «пеленой бремени бытия».

Однажды он предложил Деве Судеб убрать бельма, если она того пожелает. Недолго думая, Дева отказалась. Пока ее глаза скрывались за пеленой, она как будто не пропускала к сердцу весь тот ужас, что разворачивался вокруг. Мирозозрение эсфирян не терпело жестокости, а вот земляне, увы, не сумели дойти до этого. Они не менялись и из века в век погружали Землю в пучину катастроф – значит, ее глаза снова скроются за пеленой. Так и осталась Дева Судеб с затуманенным взором.

Однажды Создатель решил, что вечно одинокой Деве Судеб нужен друг и страж, и он его создал. Разумное живое су-

щество, сгусток магии всех стихий, обладавший речью, преданный ей и похожий на туман. Эти двое сразу прониклись симпатией друг к другу и подружились. Спустя время туманный страж с удовольствием помогал Деве Судеб. Он заворованно наблюдал за тем, как она легко сплетает и расплетает судьбы, чтобы вновь переплести их в причудливый узор, в котором ни одно сплетение не было случайным, ведь от этого зависел ход истории планет, и даже одна судьба могла изменить ее. Дева Судеб любила называть такую судьбу особенной.

– Знаешь, мой милый друг, иногда для появления на свет человека или бессмертного с той самой особенной судьбой должны сложиться определенные обстоятельства, которые спустя время и приведут к нужному раскладу, – говорила она своему туманному соратнику. Они, как всегда невидимые для всех, стояли на залитой ярким летним солнцем улице в Феодосии. – Как, например, эти две судьбы. Две девочки, которые появились на свет для того, чтобы спустя годы дать жизнь тем, кому суждено повлиять на историю двух моих планет и защитить их.

– Это будущ-щие матери Избранных? – уточнил у Девы Судеб ее спутник.

– Ты почти угадал, – ответила она. – Избранной и ее нареченного. Той, на чьи плечи ляжет нелегкое бремя освободительницы, просто необходим рядом тот, на кого можно опереться, кто будет якорем в шторм и тихой гаванью во время

бури.

– Так где ж-ж-же эти девочки? – спросил туманный страж.

– А вон они. Идут навстречу друг другу, – с улыбкой ответила Дева, указав на девочек. – Сейчас и начнется история двух семей. Со случайной встречи. Якобы случайной. Мы ведь знаем, что во Вселенной не бывает ничего случайного. – Она улыбнулась, наблюдая за развернувшейся картиной.

Жар летнего солнца смягчало дуновение соленого черноморского бриза. С пляжа слышался рокот волн, заглушавший обрывки какого-то легкого мотива, льющегося из репродуктора на столбе, обрывки разговоров и детский смех с задорным визгом. Две девчушки лет десяти шли навстречу друг другу.

Одна – невысокая, худощавая, в коротком светлом сарафане и зеленой косынке. Глаза – цвета расплавленного янтаря, копна длинных каштаново-рыжих выующихся волос. Тонкие пальцы держат эскимо, а взгляд мечтательно блуждает по бездонной лазури феодосийского неба. Девчонка шла легкой грациозной походкой балерины и внешне напоминала лисицу в человеческом облики. Лисенок – мама так и называла ее.

Другая девочка была такой же худышкой, но в остальном выглядела полной противоположностью «балерины»: высокая, с черными, как крыло ворона, прямыми волосами, заплетенными «корзиночкой», смуглой кожей и неожиданно

серыми глазами, в соломенной шляпе и голубом платье выше колен. Держа палочку с наполовину съеденным эскимо, она с восторгом наблюдала за воздушным змеем, запущенным в небо кем-то на пляже.

Этот самый змей привлек внимание и рыженькой «лисички», и, позабыв о таком желанном мороженом, она не сводила глаз с неба. Засмотревшись, как ветер гонит воздушного змея по воздуху, девочки столкнулись с обоюдным громким «ой». Обе выронили свое мороженое, и два эскимо шлепнулись на горячий асфальт.

– Ну-у вот, полакомилась эскимо, – с сожалением протянула рыженькая.

– Угу, – согласно кивнула маленькая брюнетка в шляпке. – Извини, я совсем замечталась и не заметила тебя.

– Да ладно, не извиняйся, я тоже хороша, – махнула рукой «лисичка». – Открыла рот и никого вокруг не видела. Меня, кстати, Альбиной зовут, а тебя как?

– Элоиза, – ответила ей девчонка и устремила взор на удаляющегося змея. – Да-а, змей просто загляденье! У мамы с папой попросить, что ли, такой же...

– А знаешь, Элоиза, о чем я думала, когда смотрела на эту игрушку? – спросила Альбина.

– И о чем же?

– Я думала о том, что хотела бы вот так же лететь высоко-высоко по небу, как этот змей. А может быть, еще выше, – призналась Альбина.

– Да ты что! – распахнула удивленные серые глаза Элоиза. – Это удивительное совпадение! Представь себе, я думала об этом же! Может быть, после каникул запишусь в кружок авиации. Надо же с чего-то начинать. Моря начинаются с рек. Так моя мама говорит.

– Опять совпадение! – всплеснула руками Альбина. – Моя мама тоже так говорит!

– А ты местная? – поинтересовалась у нее Элоиза.

– Не совсем, – девочка отрицательно качнула головой. – Я живу со старшей сестрой и мамой в Сталинграде. А сюда приезжаю в гости к родной тете по отцу. Папа погиб, когда мы с сестрой совсем малышками были, но его семья очень нас поддерживает по сей день. Тетя часто приглашает нас погостить у нее.

– А мы с родителями тут уже несколько лет живем. По рассказам папы, здесь его корни. Так что, можно сказать, мы местные, – рассказала о себе Элоиза.

– А где вы живете? – поинтересовалась у нее рыжая собеседница.

– На улице Горького, – ответила Элоиза. – Недалеко от Башни Константина.

– Вот это да! – воскликнула Альбина. – Невероятно! Еще одно совпадение! Представь себе, дом моей тети тоже на улице Горького недалеко от Башни Константина!

– Вот так дела! – удивленно промолвила Элоиза. – Даже удивительно, как это мы раньше с тобой не встретились. – А

ты не на пляж, случайно, шла?

– На пляж, – кивнула Альбина. – Меня мама за мороженым отпустила. Вон она, под большим голубым пляжным зонтом.

– А моя мама через два места влево под белым зонтом, – весело усмехнулась Элоиза. – Я тоже за мороженым ходила. И не донесла.

– У меня из карманных денег осталось только пять копеек, – посетовала новоиспеченная подружка.

– А у меня шесть. Если сложимся, то вместе купим эскимо на двоих. Ты согласна? – спросила Элоиза у Альбины.

– Идет! – ответила та, и, взявшись за руки, словно знакомы друг с другом всю жизнь, девочки направились к ближайшему киоску с мороженым.

– С-свершилось-с-сь, – довольно промолвил туманный спутник Девы Судеб.

– Это еще не все, – ответила она. – Это только пролог. Но начало большой истории положено. Некоторые встречи могут изменить ход истории целого мира. И тем не менее впереди каждую из них ждет еще одна ключевая встреча. Но до нее еще годы. А пока... Счастливое беззаботное детство. Такое же безоблачное, как небо Феодосии сегодня.

Глава 1. Самый длинный день в году

22 июня 1941 года, Одесса

Маленькие аккуратные каблочки туфель бодро цокали по тротуару, когда Альбина с Элоизой, звонко смеясь над очередной шуткой, возвращались домой к бабушке Эллы, куда приехали погостить на несколько дней. Обе девушки держали в руках по несколько книг, взятых из местной библиотеки. Под форзацем книги у Альбины лежало почти дописанное письмо для матери, оставшейся в Сталинграде. Аля, как и ее сестра Марина, жили теперь в Севастополе. Марина уехала туда вслед за мужем – офицером флота, Альбина же через два года поступила вместе с Элоизой на авиаинженерный факультет одного из севастопольских вузов. Страсть к авиации, которую подруги делили на двоих, за эти годы так и не угасла, и полеты на бипланах в аэроклубе стали самым излюбленным занятием, из тех, что необходимы для души.

Аля обожала письма и часто писала матери, подробно рассказывая о своих делах. То письмо, что лежало теперь в книге, можно было уже и отправить, но какая-то мысль казалась Альбине еще не законченной. Взгляд, мельком брошенный на афишу фильма «Волга-Волга» у кинотеатра, возродил в воспоминании походы в кино по выходным с мамой и сест-

рой. Маму очень радовало, что две ее дочери, бывшие с самого детства близкими друг другу людьми, жили в одном городе.

Несмотря на отсутствие в их жизни отца, Альбина с Мариной никогда не чувствовали себя неполной семьей. Мама, невзирая на работу фельдшера и сверхурочные часы, каким-то чудом успевала уделять время и дочерям, и девочки никогда не ощущали себя брошенными. А как они любили по воскресеньям все вместе лепить вареники или пельмени! А какие восхитительные пироги и булочки мама научила их печь! Маринин муж всегда шутил, что благодарен теще за эту науку. Вот и сегодня, до того как пойти в библиотеку, Альбина вместе с Элоизой помогли ее бабушке замесить тесто и наготовить булочек с ягодной начинкой. Запах ванилина так и увязался за ними тонким, едва уловимым шлейфом.

Так уж вышло, что за все эти годы, с того самого дня, когда больше десяти лет назад они случайно столкнулись на берегу солнечной Феодосии, ни одна из одноклассниц или соседских девчонок не стали для Альбины или Элоизы ближе друг друга. В задорной, остроумной и любознательной Элле Альбина сразу нашла родственную душу, и когда настала пора сделать выбор, куда же идти учиться после школы, она точно знала, что уедет в Севастополь. Там родная сестра, там лучшая и самая близкая подруга.

Успешно сдав экзамены, девушки приехали на выходные в Одессу проведать бабушку и дедушку Элоизы.

– Неужели еще один учебный год подошел к концу! Аж не верится, – промолвила Альбина, идя под руку с Эллой.

– Да, время тянулось только на первом курсе, а потом как понеслось... – согласилась с ней подруга.

Девушки приближались к тени большого дерева, откуда за ними наблюдала незримая для всех Дева Судеб. В ее руках покоились четыре золотые нити, которые она спешно переплетала по две между собой своими ловкими пальцами.

– Час настал, – промолвила она, устремив взор на девушек и шедших позади них двух молодых людей в военной форме с лейтенантскими погонами.

Оба были статные, высокие, благодаря чему их форма смотрелась еще солидней, только волосы одного чернели точно смола, а волосы другого сияли как пшеница с золотым отливом.

– Может, все-таки окликнуть их и честно сказать, что хотим познакомиться, а? – спрашивал брюнет у своего друга. – А то решат еще, что мы их преследуем. Плетемся за ними, как два робких пионера, уже две улицы. Ну что мы ждем, честное слово!

В этот момент девушки, завидев высоко в небе чьего-то улетевшего воздушного змея, засмотрелись.

– Ой! – вскрикнула Альбина, схватившись за подругу.

– Что случилось, Аль? – спросила Элла.

– Кажется, что-то с каблуком, – ответила Альбина, и тут порывом ветра сорвало шляпку с головы Элоизы.

– Шляпа! – вскрикнула та.

Двое тех самых военных подбежали к девушкам. Брюнет ловко поймал на лету шляпку и с улыбкой протянул ее хозяйке. Его друг подошел ближе к Альбине.

– Прошу, милая сударыня.

– Благодарю вас, – ответила Элоиза, одарив его улыбкой, все так же поддерживая подругу под руку.

– Меня, кстати, Кириан зовут, – представился голубоглазый брюнет.

– А меня Дарий, – слегка склонив голову, озвучил свое необычное, как и у друга, имя русоволосый мужчина с такими же необыкновенными янтарными глазами, как и у Альбины, что сразу заметили и она, и он. – А что там с вашим каблуком, позвольте посмотреть, – промолвил он и присел около девушки, осматривая пострадавшую туфлю. – У вас тут каблук сломан, – сообщил он ей. – Но это не беда. Здесь совсем рядом обувная мастерская имеется. Они вам этот каблук быстро отремонтируют, особенно если сверху приплатить за срочность.

– Ой, а у нас, наверное, и денег не хватит, – растерянно заявила Аля. – Нам тут пешком пройти, мы и денег особо не брали.

– О чем речь! – воскликнул Дарий. – Я беру это на себя. Вы, кстати, так и не представились.

– Альбина.

– Элоиза.

– Мы с другом, если честно, хотели познакомиться с вами еще две улицы назад, но что-то не решались, – признался Кириан. – Спасибо шляпе, выручила.

– И каблук вовремя сломался, – добавил Дарий.

Услышав это, Дева Судеб усмехнулась.

Посмеявшись, компания направилась в мастерскую сапожника, а уже оттуда мужчины вызвались проводить девушек до дома. Альбина и Дарий украдкой обменивались любопытными взглядами, Кириан посматривал на Элоизу. Смущаясь изучать друг друга открыто, молодые люди мило общались, и что-то такое в этот момент пробежало между ними сверхъестественно-прекрасное, светлое и неуловимое. От девушек вкусно пахло ванилином и домашней выпечкой, они звонко смеялись и, казалось, были овеяны божественным светом. От молодых лейтенантов исходило дружелюбие, мужественность и благородство.

Друзья заметили девушек не случайно. Они были оборотнями и не могли не обратить внимание, что над брюнеткой светилась аура нимфы, а красавица с рыжими косами оказалась Одаренной – человеком, рожденным с сильным магическим даром.

Поскольку девушек они совсем не знали, Дарий и Кириан делали вид, что ничего не заметили, ведь если нимфа, скорее всего, узнала в них сверхъестественных товарищей, но не подавала вида, то Одаренная могла ничего и не подозревать. Не все Одаренные понимали свою силу, и уж куда меньшее

их число знали о существовании магии и других миров.

Но вот их путь подошел к концу. Элоиза, указав на двухэтажный многоквартирный дом с двором-колодцем, объявила, что здесь живут ее бабушка и дедушка.

– Ваше общество, девушки, признаться честно, нам крайне приятно, и я предлагаю вечером продолжить общение. Можно прогуляться по набережной, сходить на танцы, – с улыбкой предложил Кириан, стрельнув глазами в сторону Элоизы.

– А зачем ждать вечера? Зачем откладывать на потом то, что можно сделать сейчас? – раздался позади них деловитый женский голос, и, обернувшись, они увидели бабушку Эллы с полной авоськой. – Я вам предлагаю прямо сейчас это знакомство таки продолжить за чаем. Мы как раз стол во двор под виноград вынесли. Идемте, идемте.

– Спасибо за приглашение, – поблагодарил женщину Дарий, забрав у нее авоську.

– Какой галантный юноша! Да это вам спасибо! – воскликнула она. – Я впервые вижу свою внучку и ее подругу в компании молодых людей. Все то книжки, то чертежи, то конспекты. Пора бы уже и разбавить эту целлюлозно-бумажную компанию.

– Ну ба-а-а! – воскликнула Элла, вздернув брови.

– А что «ба»? Разве я не права? – ответила ей бабушка. – Меня, кстати, Роза Марковна зовут, – повернулась она к юношам. – Абрам! Абра-а-ам! – позвала она мужа из глу-

бины двора. — Вынеси еще два стула, у нас важные гости! А я пока чайник поставлю.

«Ах, какие brave офицеры! Красавцы! Интеллигенты! Такие женихи на дороге не валяются, надо брать их, пока тепленькие», — думала женщина про себя.

— Бегу, бегу, Розочка! — крикнул ей супруг. — Надо будет еще радио послушать в двенадцать. Вениамин с утра забежал, сказал, что в полдень какое-то важное сообщение от правительства будут передавать.

— Интересно, а что за важное сообщение, Абрам Моисеевич? — задала вопрос Альбина.

— Не знаю, не знаю, Алечка, что-то очень значимое, надеюсь.

Наконец все сели, и за столом воцарилась легкая, непринужденная атмосфера. Мужчины наперебой шутили, женщины смеялись. В разговоре выяснилось, что молодые люди, любезно проводившие Эллу и Алё, летчики и коренные одесситы. Друг друга они не знали до тех пор, пока не встретились в Харьковской военной авиационной школе.

На самом деле это было правдой лишь отчасти. Кириан родился в княжестве Кайран Восточной империи Эсфира, но знал Одессу как свои пять пальцев и считал этот город вторым домом, ведь его родители когда-то жили здесь, пока после несчастного случая оборотни из клана огненных пантер их не обратили. Уйдя жить на планету Эсфир, его родители не перестали любить город, в котором выросли, и часто

возвращались сюда. «Наша одесская дача», – как шутила его мама.

Дарий принадлежал к клану огненных лис, будучи обращенным еще юным курсантом-первокурсником. Он разрывался между родной Одессой, где были похоронены его родители, и маленькой квартирой в трехэтажном доме в княжестве Азмерхан на востоке Эсфира, где он бывал значительно реже из-за военной службы, так же, как и его друг, одноклассник и сослуживец Кириан.

Роза Марковна и Абрам Моисеевич оказались самыми обычными людьми без каких-либо проблесков магии. «Любопытно, как же тогда у них появилась внучка-нимфа?» – думал про себя Кириан, не скрывая искреннего интереса к девушке.

Вызвавшись помочь Элоизе, когда она пошла на кухню за сервизом, он как бы невзначай бросил:

– Очень любопытно, откуда у простых людей внучка-нимфа? Если не секрет.

– Это почти секрет, – тихо ответила Элла и кокетливо улыбнулась. – Но вам я его расскажу. Как бессмертная бессмертному. Кровь нимф я унаследовала от отца. А моя мама когда-то давно, больше двадцати лет назад, была человеком, но после несчастного случая ее обратили в вампира. Бабушка с дедушкой ни о чем не подозревают. И не узнают никогда.

– Я сохраню ваш секрет, обещаю, – с улыбкой заверил Кириан Элоизу, и, мило беседуя, они вернулись за стол.

По улицам Одессы, залитым ярким полуденным солнцем, торопились, стуча колесами, трамваи. Горожане наслаждались выходным днем, спеша кто в гости, кто на пляж, кто на свидание. В воздухе витали безмятежность и спокойствие, и никто в этот час не подозревал, какое страшное известие скоро прозвучит из репродукторов, погрузив миллионы людей в отчаяние. Солнечные зайчики дрожали на белой скатерти, упоительно пахли ароматные булочки, которые так хвалила Роза Марковна, упоминая, что это дело рук Элочки и Али.

Считанные минуты оставались до горькой новости, от которой прежняя жизнь рухнет. Беда маячила впереди, но для компании за столом все в эти минуты было пока еще «накануне», и, смеясь над очередным одесским анекдотом из жизни Абрама Моисеевича, никто даже не подозревал, что это ощущение счастья стремительно несется к своему концу. Сейчас они еще самые обычные люди и бессмертные. Как и те, кто пробегает время от времени мимо их двора. Со всем скоро все они станут героями и жертвами войны, убитыми и ранеными, солдатами и беженцами, партизанами, военнопленными, узниками концлагерей. И этот день – самый длинный в году – навеки останется выжженным клеймом на сердце у тех, кто его помнит.

Спустя тридцать лет, день в день, Элла и Альбина, услышав по радио стихи Константина Симонова, растерянно переглянутся и на миг застынут, сраженные горькими воспоминаниями, у которых не оказалось срока давности.

- Как будто это было вчера, – тихо промолвит Альбина.
– Будто и не минуло тридцати лет, – ответит ей Элоиза.

*«Тот самый длинный день в году
С его безоблачной погодой
Нам выдал общую беду
На всех, на все четыре года.
Она такой вдавила след
И столько наземь положила,
Что двадцать лет и тридцать лет
Живым не верится, что живы».*

Все так и будет. Впереди их и целую страну ожидали годы потерь и отчаянной борьбы против жестокого врага. Эта боль потом останется на долгие годы, поселившись отголосками в крови и памяти потомков. Те, кто выживут, прежними не станут никогда.

А пока... Абрам Моисеевич поднялся в квартиру и включил радио, выставив его в открытое окно. Спустившись к остальным, мужчина подсел к своей жене. Трижды прозвучал сигнал начала трансляции. Все сидящие за столом замолчали.

Последние секунды мирной жизни истекли.

«Граждане и гражданки Советского Союза! Советское правительство и его глава товарищ Сталин поручили мне сделать следующее заявление: сегодня, в четыре часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Сою-

зу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города – Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убито и ранено более двухсот человек...»

Звон разбитой чашки, выпавшей из чьих-то рук, остался без внимания. В оглушительном молчании, растерянно и с ужасом переглядываясь, все слушали радио. Но как только речь подошла к концу, тишина тяжелым свинцом легла на плечи. Вскоре безмолвие прорезали всхлипы женщин. Абрам Моисеевич, тяжело вздохнув, открыл портсигар, молча предлагая Кириану и Дарию закурить. Те так же молча взяли по сигарете, хотя никогда раньше не курили.

– Абрам... Что теперь с нами будет? Что? – тихо всхлипывая, спросила у него супруга.

В ответ пожилой мужчина тяжело вздохнул.

– Я бы хотел тебе, Роза, сказать что-то, чтобы успокоить, но... У меня сейчас слов не находится. Я не знаю, что будет, не знаю!

По щекам женщины вниз побежали слезы, оставляя мокрые дорожки.

Альбина словно оцепенела, растерянно глядя куда-то перед собой. Она сжала руками салфетку так, что на кулаках побелели костяшки. Элоиза же переводила испуганный взгляд то на радио, то на кого-то из присутствующих.

– Нет, нет, нет, этого не может быть! Не может! Не может!

Пожалуйста, господи!

И девушка залилась слезами.

– А как же... Севастополь... Если бомбили Севастополь... Там же Мариночка с Юрой... Как же они там, – рас-
терянно бормотала Альбина и не замечала слез, что градом
бежали по ее побледневшим щекам.

Осознание того страшного, что свершилось, своей необ-
ратимостью и неизбежностью давило на грудь, мешало сде-
лать вдох. Гнетущее чувство ожидания чего-то страшного
повисло в воздухе.

– Кажется, Дарий, наша увольнительная прямо сейчас за-
кончилась, – с горечью произнес Кириан. – Хотя... что я
несу! Какие тут увольнительные, когда прежняя жизнь за-
кончилась.

– Простите, но нам нужно срочно возвращаться в часть, –
сказал Дарий, бросив на Альбину взгляд, полный сожаления
и глухой, невыразимой тоски.

– Мы... мы проводим вас, – запинаясь, промолвила Аль-
бина.

Ее подруга молча кивнула.

Вот так этот день для них стал днем встречи и разлуки.
Им казалось, что их пути неумолимо расходятся, однако у
Девы Судеб на этот счет было свое мнение. Нити их судеб,
лежавшие на ее ладони, так и остались переплетенными.

Август 1941 года, Феодосия

Никто не знает, куда повернет дорога жизни. Разве можно ее предугадать?

Тот день, ставший роковым для миллионов людей и бессмертных, крепко-накрепко соединил четыре судьбы неразрывной связью. Обменявшись на прощание с Эллой и Алей адресами, Кириан и Дарий поспешили домой, чтобы собраться в свою военную часть. Жизнь в одночасье перевернулась, выбив почву из-под ног, и никто тогда не представлял, что ждет всех дальше. Люди были растеряны, напуганы, и этот день действительно оказался очень долгим. Просто потому, что все потерялись во времени, перестав его ощущать.

Элоиза с Альбиной на следующее утро уехали обратно в Феодосию. Туда война пришла чуть позже, чем в Одессу. Бомбардировки Одессы начались спустя месяц, а в октябре сорок первого в город зашли немецкие и румынские войска. На территории Феодосии враг оказался в начале ноября. Узнав о том, что Севастополь одним из первых подвергся вражеской атаке, бесстрашная Альбина поехала туда, чтобы найти сестру, но нашла лишь горькую весть о ее гибели вместе с мужем. Во время очередной бомбардировки Севастополя девушка серьезно пострадала, не успев добраться до укрытия. В тот отчаянный миг Элоиза приняла единственно верное решение обратиться свою умирающую подругу и попросила об этом свою близкую родственницу, поехавшую вместе с ними. Та, хоть и выглядела двадцатилетней девушкой,

была уже стодвухлетней представительницей клана лис-оборотней.

Все, что помнила Альбина в тот миг, – жар мучительной агонии, соленый привкус собственной крови во рту, боль от каждого вздоха и сознание, ускользающее во тьму. А потом режущая боль в запястье вырвала ее из темноты, возвращая сознание в страшную реальность. Ей все еще казалось, что она умирает. Изломанная и покрытая ранами от осколков стекла. Так хотелось сказать Элоизе важные слова, но не было сил даже и слово вымолвить. Из ее горла вырывался лишь хрип и сгустки крови. Потом ей раздвинули зубы, и в горло полилось что-то соленое с металлическим привкусом. Опять кровь? Альбина испуганно замычала, дернулась, не понимая, что происходит. Где-то совсем рядом испуганный и дрожащий голос Элоизы.

– Аля, не бойся, мы тебя спасем, ты будешь жить!

Вот так на пороге смерти Альбина получила билет в другую жизнь и тайное знание.

Тогда открылась еще одна невероятная деталь – Лия, двоюродная сестра со стороны ее отца, оказалась не кем иным, как самой настоящей бессмертной нимфой, много лет она жила в другом мире с манящим воздушным названием Эсфир. Иногда она приезжала погостить к их с Альбиной тетушке в Феодосию, привозя много подарков для всей родни. Родственники же полагали, что девушка замужем за иностранцем, что в принципе было недалеко от правды. Муж

Лии, или, как ее называли на языке эсфирани, Лиаль, когда-то родился и прожил много лет в Италии, но, повстречав свою будущую супругу, перебрался на Эсфир.

В первые же дни войны Джордано и Лиаль отправились на фронт в составе медбатальона, и все, что было сейчас известно Але, что они должны находиться где-то под Москвой.

В одну из тревожных бессонных ночей, когда вражеские войска находились еще на подступах к Крыму, Альбина с Эллой смотрели украдкой из-за плотных, темных занавесок на небо, прошитое яркими лучами противовоздушной обороны. И снова тревожная ночь, и снова на сердце страх. Сколько было таких ночей и сколько их еще будет?

– Аль, если б ты только знала, как же хочется сесть за штурвал и взлететь! – тихо воскликнула Элоиза, с грустью глядя в небо. – Надоело уже прятаться тут и бояться... Мне так только хуже. Ну почему женщин не берут в военную авиацию? Чем мы хуже мужчин? Сколько уж лет в аэроклубе с тобой отлетали...

– Я тоже об этом думаю частенько, – призналась подруге Альбина. – Я хочу в бой. Самый настоящий. Не могу сидеть вот так и трястись. И ты права, это еще хуже, честное слово. Да что ж это я, на своей земле и прятаться должна, как мышь в подполе! Если уж и погибать, так в борьбе. Чтoб своими руками этой мерзости хребет переломить. Я теперь не успокоюсь, если не буду знать, что от моих рук хотя бы одна фашистская гадина сгинула! Я хочу, чтобы они сдохли

от моей руки! За всех отомщу! За Марину, за Юру, за маму, за тетю... За всех!

Повисла тишина. Элоиза судорожно вздохнула. Альбина в бессильной ярости сжимала кулаки, глядя куда-то в сторону. Где-то вдалеке раздался громкий взрыв, и девушки одновременно вздрогнули.

– А у нас с тобой, как всегда, схожие мысли, – с печальной усмешкой констатировала Элла. – С того дня, как деда с бабушкой расстреляли, я столько раз уже в голове эту мысль прожила! Мне бипланы эти снятся уже по ночам! И все время чей-то шепот во сне повторяет: «Ведьмы летают по ночам, ведьмы летают по ночам». Какие еще ведьмы? Я же нимфа!

Альбина, услышав это, удивленно распахнула глаза.

– И чего же ты молчала, Элла! – воскликнула она. – Я похожие слова уже которую ночь во сне слышу! Может быть, это знак свыше для нас? Я только тоже не пойму, почему ведьмы-то? Мы с тобой не ведьмы.

– Знаешь ли, знамение – это такая штука, значение которой порой раскрывается не сразу. Может быть, спустя время нам станет понятен смысл этой фразы, – рассуждала Элоиза, не представляя, насколько окажется права.

Они ненадолго обе задумались.

– Это, наверное, так глупо сейчас и совсем не ко времени, но я постоянно вспоминаю Дария. Сама себе запретила думать о нем, но не выходит. Невозможно приказать сердцу, – вновь заговорила Альбина. – И неизвестно теперь, ко-

гда ждать письма. Зачем мы только повстречались в тот день. Но если бы я могла вернуться туда, то снова хотела бы все это пережить. Ровно до того момента, как по радио объявили о войне.

Девушка с тоской протяжно вздохнула.

– Нам не знать замыслы судьбы, – философски заметила Элоиза. – А чувствам вообще плевать на время и место. Они просто проникают в твою душу. И если тебе суждено влюбиться, ты влюбишься хоть на краю бездны. Я боюсь мечтать, не зная, что будет с нами завтра, но Кириан... Он просто поселился в моем сердце и живет там. Моя соседка говорит, что в такие времена любовь сродни тяжелому бременю, – промолвила она. – Но я с ней не согласна.

– И я тоже не согласна, – поддержала подругу Альбина. В такие времена порой только любовь и держит тебя крепко на земле.

В ту ночь они все-таки смогли вздремнуть уже под утро. На грани сна и яви Альбине все чудилось в их комнате нечто, похожее на туман. Он постоянно двигался и извивался кольцами. «Приснится же», – подумала девушка про себя, забываясь беспокойным сном.

– Нас-с-с-станет вре-е-емя рас-с-справить крылья. Небо жде-е-ет тебя-я-я, – донесся шепот из тумана. – Ос-с-сень. Все изменит ос-сень.

Восьмого октября тысяча девятьсот сорок первого года вышел указ о создании женских авиационных полков.

Альбина и Элоиза, не раздумывая, записались на отбор кандидаток, и вскоре их встречал город Энгельс.

Конец мая 1942 года, Сальские степи

Если судьба связала вас, ей все равно, доходят ваши письма друг другу или нет. Вопреки всему, нити ваших дорог все же соединятся, даже если однажды показалось, что они навеки разошлись. В октябре сорок первого года поезд привез Элоизу и Альбину в Энгельс, где им предстояли месяцы обучения военной авиации вместе с другими девушками.

Самым первым делом в парикмахерской гарнизона девушкам пришлось расстаться с роскошными косами, оставив длину чуть ниже ушей.

– Волосы – это такая мелочь, девчонки! Еще отрастим после войны хоть до пояса, если захотим. Лишь бы ноги-руки целы были, – подбадривала всех Элоиза.

– И лицо, – добавила Альбина. – Это мужчин шрамы украшают. С девчонками другая история...

Элла с Алеей даже не подозревали, что эта дорога верно и неотвратно ведет их к самой важной для них обеих встрече. Несколько месяцев учебы пролетели стремительно, и в конце мая сформированный женский авиаполк, единственный в своем роде, уже прибыл на фронт. Его включили в состав ночной авиадивизии.

Девушки, несущие под крыльями своих бипланов смерть всем убийцам. «Ночные ведьмы» – так их будут называть

немцы, боясь их налетов как огня. Этих юных девушек не пугал ни свет прожекторов, ни зенитный огонь противника, ни сама смерть, что дышала им в спину. У войны не женское лицо, но это было время, не оставившее выбора, и они встали в боевой строй наравне с мужчинами, на время оставив девичьи мечты.

Связь через письма с Кирианом и Дарием к тому времени волей обстоятельств прервалась, но Элла и Аля еще не подзревали, что в той самой авиадивизии вновь повстречают тех, о ком трепетало сердце.

Как же безгранично удивились Дарий и Кириан, когда в строю девушек в одинаковых мужских гимнастерках, пилотках и с коротко стриженными волосами они узнали тех самых двух девчонок – Элоизу и Альбину, с которыми их свел тот самый длинный день в году. И как бы жизнь их ни разводила, крепкая нить словно связала их на расстоянии. Дарий верил в судьбу, как и Кириан. Интересно, а Элла и Аля верили? Присмотревшись к Альбине, Дарий едва сдержал возглас удивления, ведь теперь девушка стала оборотнем! Что ж, значит, ей все известно о мирах. А это снимает множество проблем и недомолвок.

Они не могли дожидаться команды «вольно», и как только она прозвучала, сразу же рванули друг к другу – Дарий к Альбине, Кириан к Элоизе. Теперь они никогда не расстанутся.

«Навс-егда-а-а», – тихо шептал степной ветер в зеленых

кронах тополей.

Глава 2. По закону Вселенной

Эсфир, 62 года спустя, Восточная империя, княжество Ривэрейн, Дэльтарра

Переполох царил с утра в усадьбах семей Ирилейв и Дарк-мун. То и дело скрипела низкая кованая калитка между дворами, пропуская кого-то из двух семей.

– Кириан, Делайл, смажьте петли маслом, иначе этот скрип услышат даже демоны в Нижнем мире, – бросила на ходу Элоиза, оглядывая чемоданы и мысленно перебирая все необходимые вещи, которые она упаковала.

– Мы уже готовы! – крикнула ей Альбина со своего двора, пока Дарий выносил чемоданы на порог дома.

– И чего только вы, женщины, столько вещей набирать любите, – беззлобно ворчал он себе под нос.

– Ну что, семейство Ирилейв, уже можно строить портал? – громко спросил Кириан.

– Да, начинай, мы уже собраны, – ответил Дарий и повернулся к супруге: – Ну что, идем?

Та лишь кивнула и пошла следом за супругом, несшим чемоданы. Пятилетняя дочь Марьяна шла рядом, держа ее за руку.

– Мам, а ты привезешь мне бусики из ракушек? – спросила она, состроив умильные глазки цвета янтаря, такие же, как и у матери с отцом.

– Обязательно привезу и бусики, и еще много чего интересного, – ответила Альбина дочери. – Пока нас не будет, хорошо себя веди, слушайся брата Рейнара и тетю Лиаль.

– Угу, – вздохнула Марьяна, с грустью посмотрев на чемоданы. – Вы ведь скоро вернетесь?

– Конечно скоро, малышка, мы вас с Ленаром надолго не оставим, – ответила ей Элоиза, ласково потрепав по макушке своего младшего сына – одногодку Марьяны.

– Мы посмотрим на волшебный звездопад над Крымом, поностальгируем по детству и юности, окунемся в волны Черного моря, пока еще бархатный сезон, посетим музыкальный фестиваль и сразу домой, – воодушевленно промолвила Альбина.

Проводить их вышли старшие сыновья – Делайл и Рейнар, младшие дети и сестра Лиаль. Когда все наобнимались на прощание, окно портала уже призывно сияло золотым светом. Вдруг рядом засветилось еще одно окно, и спустя несколько секунд появился Джордано.

– О, отлично, я еще успею вас проводить! – воскликнул он, дружески хлопнув по плечу Дария.

– Удачно вам отдохнуть! – промолвил Делайл, забирая из рук отца младшего брата.

– Пока, пока-а-а! Мама-а-а, папа-а-а! – в один голос щебетали малыши Ленар и Марьяна, пока родители, помахав им в ответ, входили в окно портала.

– Снимки сделайте красивые обязательно! – крикнула им

вслед Лиаль.

Рейнар что-то сказал Делайлу, и вместе они громко расхохотались. Настроение у всех оставшихся царило приподнятое, и никто в этот миг не подозревал, что тех, кого они только что проводили, видели в последний раз.

С того самого дня, шестьдесят два года назад, на исходе весны, когда до лета оставался лишь шаг, волей судьбы оказавшиеся в одной авиадивизии Аля, Элла, Кириан и Дарий никогда больше не расставались. Спустя полгода обе пары подали начальству рапорт о заключении брака, и после его подписания состоялась скромная фронтовая свадьба. Вместо свадебных нарядов – военная форма, венки из полевых цветов и белые ленточки в косах заменили фату.

Уже потом, после победы, на Эсфире супруги Ирилейв и Даркмун в один день устроили роскошную свадьбу по всем канонам и традициям этого мира. И даже усадьбы смогли найти по соседству в красивой живописной столице княжества Ривэрейн Восточной империи. Прямо за усадьбами простирался упиравшийся в горы лес, который два семейства сразу облюбовали. Как только состоялось долгожданное новоселье, каменный забор между усадьбами тут же был ликвидирован, осталась лишь весьма условная низенькая кованая изгородь с калиткой, которая часто стояла распахнутой настежь.

Пролетали годы. Семьи росли, но все так же по жизни шли рука об руку. Альбина и Дарий Ирилейв. Элоиза и Кириан

Даркмун. Две истории любви, две семьи, четыре жизни. Сегодня они стали на шаг ближе к своей смерти. Четыре нити жизни в руках Девы Судеб вмиг стали короче, концы их почернели, обуглились – знак скорой смерти. Она стояла здесь, рядом с их детьми, уже зная, что в скором времени они потеряют самое дорогое, и для них настанут времена великой скорби.

– Как жестоко обрывается их жизнь. Ты словно солнце в зените пронзаешь темнотой, – философски заметил спутник Девы Судеб.

– Их роль в этой жизни выполнена, – спокойно ответила она. – Избранная и ее нареченный рождены. Ты только подумай – они прожили в любви и согласии, родили новую жизнь, оставив продолжение себя, они вложили любовь в своих детей, которую те запомнят навек и передадут своим потомкам. Вот так и умножается любовь. Их часть есть в каждом их ребенке, и она будет жить. Поэтому во Вселенной любовь сильнее смерти.

– И все-таки их смерть принесет горе их родным и детям. Марьяна и Ленар совсем еще малы.

– Перед волей Вселенной все равны. Здесь никогда и ничто не происходит случайно, – спокойно промолвила Дева Судеб. – Так устроена жизнь – носитель души живет и умирает, чтобы когда-то вновь возродиться. Если где-то убыло, значит, еще где-то скоро прибудет. Баланс Вселенной нерушим.

Они исполнили свое предназначение в этой жизни, то, для чего родились в этот раз. Через годы их ждет другой мир, в миллионах световых лет отсюда, и покровительство его Девы Судеб. Там они нужней, поверь. А спустя еще много лет их ждет слава спасителей. Вчетвером они станут великими учеными и смогут найти средство от страшного смертельного недуга, что поразит жителей того мира. И у них получится. Только у них. Но для этого им нужно умереть сейчас, чтобы через десятки лет спасти целый мир от гибели. На весах Вселенной горе умирающего мира перевешивает горе нескольких семей. Таков закон Вселенной – решение в пользу большего. Их дети это смогут пережить. А тот мир без этой четверки навеки сгинет.

Дева Судеб раскрыла ладонь. Четыре золотистые нити, лежащие на ней, вдруг поблекли, словно выцветая, и спустя секунду рассыпались сизым пеплом.

– Ну, вот и все. Мир вашим душам, мои дорогие, – тихо промолвила она.

– Сверши-ш-шлос-с-сь, – прошептал туманный страж.

– Запомни, мой дорогой друг, смерть – это дорога к новой жизни. Это исполненное предназначение. Никто и никогда не умирает просто так.

– Чего свершилось? Кто это сказал? Ты слышал это? – удивленно спросила Марьяна у Ленара, сидевшего рядом с ней на садовой качели. Взрослые что-то шумно со смехом обсуждали в беседке.

– Нет, ничего, кроме голосов из беседки. Тебе показалось, – заверил ее Ленар. – Мы ведь оба оборотни. Если бы действительно что-то было, я бы тоже это услышал.

– Да? Наверное, – с сомнением промолвила Марьяна, и, пожав плечами, засмотрелась на алый закат.

10 лет спустя Марьяна

В середине октября природа Восточной империи облачается во все оттенки золота и багрянца. Осень чинно шествует, своей поступью погружая в сон все то, что совсем недавно цвело и зеленело. Остывший воздух, потеряв марево летнего жара, становится прозрачным, как слезы. Окружающий мир, повинувшись вековым законам существования всего живого, медленно идет в объятия тлена, чтобы весной вновь возродиться к новой жизни. Круговорот. Все когда-то умирает, чтобы снова жить. Вечный круговорот жизни и смерти во Вселенной.

Погрузившись в размышления о вечном, я не спеша направляюсь в сторону городского кладбища, держа в руках объемную охапку из двух букетов кроваво-красных роз. Мои любимые цветы. Наши мамы их тоже любили...

Догоравший день посылает на землю пылающие краски закатных лучей, отчего все пространство заливают таким необыкновенным светом, от которого невольно замираешь. Или это просто я большой любитель закатов и осенних пейзажей.

Тихо скрипнули кованые ворота, впуская меня в обитель мертвых, объятую тишиной и атмосферой нежной неизбежной тоски. Здесь всегда так тихо, как и сейчас, и лишь осенний ветер шумит в кронах вековых деревьев, да стук моих каблуков по мощенной камнем дорожке разлетается по округе и уносится ввысь. За все эти годы усыпальницу моих родителей и их друзей Даркмунов я смогла бы найти и с закрытыми глазами. Порыв ветра с шелестом погнал по дорожке стайку опавших листьев клена. Прямо и прямо, поворот направо около старого клена, а затем налево, и вот передо мной знакомая усыпальница наших.

Рейнар и Делайл, как старшие братья, в одночасье стали главами своих семей, и организация похорон легла на их плечи. Близкие нас, конечно, не оставили в нашей горе, но... похороны есть похороны. Делайл предложил Рейнару похоронить наших родителей рядом, сделав для них общую усыпальницу, и мой брат согласился. Почти всегда мы приходили сюда все вместе, за исключением тех моментов жизни, когда я хотела прийти сюда одна. Но даже тогда я приношу цветы и своим родителям, и чете Даркмун. Точно так же поступают Ленар и Делайл.

После гибели родителей мы по сей день все так же крепко держимся друг за друга, как одна семья. Я думаю, именно это и стало основой той дороге, что вывела нас из безграничной боли к нормальной жизни. Мы вновь улыбаемся и смеемся, а я даже смогла вновь полюбить октябрь и перестать ненави-

деть самолеты. В конце концов, октябрь ни в чем не виноват, а самолеты... наши мамы их очень любили. И все самолеты Земли не виноваты в том, что именно тот самый забрал их жизни. Однако с тех пор, если мне случалось оказаться на Земле, я категорически избегала путешествий по воздуху. Я простила самолеты, но больше им не доверяю.

Подойдя к нашей семейной усыпальнице, я вижу два ярких букета гортензий с багряными цветочными шапками – по одному для каждой из семей. Букеты совсем свежие, еще не тронутые увяданием, а значит, сегодня или вчера здесь были братья Даркмун.

На Эсфире склепы и усыпальницы напоминают скорее каменные беседки – крышу, которую подпирают колонны, соединенные балюстрадой. От попадания осадков внутрь защищают заклинания. Супруги Даркмун похоронены в одной могиле на двоих, как и мои родители.

Через две недели канун Самайна. Время, отпущенное для поминовения. Время, когда, по нашим поверьям, души умерших, что еще не возродились в новой жизни, приходят навестить своих родных. А чтобы им было легче найти свой дом, мы украшаем фонарями из тыкв двор и фасад. Если же душа уже переродилась в новой жизни, то мы верим, что ей обязательно приснится этот теплый свет фонарей, и носитель души проснется в прекрасном настроении. Скоро Дел с Рейном привезут с ярмарки тыквы, и мы все вместе будем вырезать фонари.

– Ну, здравствуйте, мои дорогие, – тихо промолвила я, переступив порог усыпальницы.

Подойдя к могилам, поставила свои цветы в каменную вазу рядом с гортензиями сначала у своих родителей, потом у четы Даркмун.

«Незабвенные, навеки в сердце. Память о вас тлену неподвластна» – гласила надпись на потолке прямо над могилами. Набежали слезы, и буквы перед моим взором поплыли. Размазывая по щекам мокрые дорожки, я отошла к каменной скамейке в углу.

Послезавтра. Уже послезавтра исполнится десять лет с того самого дня. Дня, разделившего нашу жизнь бескрайним горем на «до» и «после». Дня, когда мое небо рухнуло на землю. В тот день мой мир пал, оставив после себя руины. Как долго может кровоточить разбитое сердце? И как долго раны покрываются шрамами? За один день мы словно стали старше лет на сто, а я растеряла всю свою детскую наивность. С того самого дня, когда стало известно о гибели родителей, я неосознанно соскальзывала в пучину тьмы и скорби.

Страшная весть пришла в наши семьи вечером. Весь день от родителей не было вестей, и под вечер Делайл и Рейнар начали волноваться, скрывая это от нас с Ленаром, чтобы не пугать. За окном косыми нитями бил в стекла дождь, холодный и промозглый. Горы окутало туманной дымкой. Нас с Ленаром заняли в гостиной, посадив за стол с пластилином. Старшие братья находились с нами, созваниваясь с кем-то

по кристаллофону, отправляя куда-то письма по портальной почте. Мы, занятые своими поделками, не обращали внимания на их встревоженный вид.

И вот тот самый роковой звонок. Рейнар, прислонив кристаллофон к уху, вышел в другую комнату, и вместе с ним отправился Делайл.

– Малышня, мы тут рядом, у нас важный звонок, – бросил он нам на ходу. – Даю вам задание – пока мы разговариваем, слепите любой овощ или фрукт.

Дверь за ним закрылась. Детское любопытство перевесило интерес к пластилину, и мы с Ленаром на цыпочках подкрались к двери. Слух оборотня позволял услышать голос в кристаллофоне, но и мы рисковали быть пойманными за подслушиванием, ведь старшие братья тоже оборотни.

– Алло, Рейн, – донесся до нас полный ужаса дрожащий голос, в котором я узнала интонации тети Лиаль. – Мариус только что с Земли мне сообщил... Их самолет взорвался прямо в воздухе! Через двадцать минут после взлета. Взорвался! Никто не выжил, все пассажиры погибли еще на высоте. Их больше нет, Рейнар. Они мертвы.

Сердце застыло в груди, и стало трудно дышать. Это ведь о ком-то другом? С Ленаром мы растерянно посмотрели друг на друга.

– Ты уверена, что нет никакой ошибки? – взволнованно спросил ее Рейнар.

– Уверена. Мариус проверил, это тот самый рейс. Их рейс.

Он уже выехал на место крушения, – ее голос задрожал.

– Лиаль, как такое могло произойти? – слышали мы голос Делайла. – Самолеты ведь проверяют перед полетом.

– Я не знаю, ничего пока не знаю, – ответила ему Лиаль, сдерживая всхлипы. – Говорят, что на борту во время полета что-то взорвалось в грузовом отсеке, – и ее голос сорвался в плач. – Есть подозрения, что это теракт.

Теракт? Что такое теракт? Такого слова в родном эсфирани мне еще не приходилось слышать.

– Мама... Папа, – тихо прошептал Ленар, всхлипывая.

– Нет! – закричала я, пнув дверь с такой силой, что она, распахнувшись, ударилась об стену.

Старшие братья резко обернулись и растерянно уставились на нас.

– Этого не может быть, слышите? – снова закричала я. – Не может! Это ошибка! Наши мамы любят летать на самолете! Самолет не может их убить! И пап не может! Потому что... потому что...

– Потому что они авиаторы, – добавил Ленар.

Повисло тягостное молчание. Рейнар и Делайл обреченно переглянулись.

– Ну чего вы молчите? – прикрикнул Ленар срывающимся голосом.

– Вот демоны, как же им сказать-то? – растерянно промолвил бледный как полотно Рейнар, не похожий сейчас сам на себя.

– Говорите как есть! – потребовала я, подходя к старшему брату. – Рейнар, что случилось?

– Марьяш, – осторожно начал брат, присев передо мной на корточки. Боковым зрением я видела, как Делайл обнял Ленара. – Я хотел бы это сказать тебе позже, значительно позже, и не вот таким образом. Но раз уж получилось так... Самолет, на котором летели наши родители, взорвался во время полета. Все пассажиры погибли...

– Нет, нет, нет, – запротестовала я. – Это ошибка! Быть такого не может! Это смертные земляне могут погибнуть, а наши родители бессмертные!

– Взрыв может убить бессмертного, – ответил мне Делайл, и воцарилась жуткая, гнетущая тишина, которую вспороли наши с Ленаром крики и рыдания.

– Это ошибка! Ошибка! Они живы! Живы! Живы! Они не могут умереть! – кричала я, не слыша никого и ничего вокруг. – Они скоро вернутся домой! Рейн, скажи, что они скоро придут через портал! Они ведь придут, правда?

– Мамочка... Мама, – всхлипывал рядом на руках у Делайла Ленар. – Папа...

Рейнар молча смотрел на меня такими глазами... Этот взгляд я запомню на всю жизнь. Обреченный, подавленный, полный горя и скорби. Взгляд, словно припорошенный пеплом.

– Нет, нет, нет! Я не верю! Не верю! – снова закричала я. Истерика захватила все мое существо, превратив меня

в визжащий и ревуший комок невыносимой боли. В ушах зашумело. Так, наверное, звенели осколки нашей прежней жизни, и сейчас я слышала их прощальные отзвуки. Темные круги поплыли перед глазами, пошатнувшись, я оказалась на руках брата и тут же окончательно провалилась в бессознательную тьму.

Когда же я пришла в себя, целитель в белом халате прижимал комочек ваты к вене на моей руке.

– Что это? – спросила я.

– Мгновенное успокоительное с легким снотворным эффектом. Вам, юная леди, нужно поспать. Как и юному лорду Даркмуну.

Тяжесть произошедшего снова сдавила мне грудь, вырывая всхлип. Большая теплая ладонь Рейнара сжала мою. Сознание под действием лекарства снова уплывало в темноту.

– Сейчас детям просто необходим курс легких успокоительных зелий, – пояснял доктор старшим братьям, его голос звучал как будто сквозь вату. – Это нужно, чтобы помочь детской психике перенести колоссальную стрессовую нагрузку. Пока я назначаю усредненную дозу, по пятнадцать капель перед едой, чтобы избежать истерик и панических состояний. Но если вдруг вы заметите ухудшение, немедленно сообщите мне. Дозу тогда можно будет увеличить еще на пять капель. Ну и конечно же душевный целитель, тут без него никак, сами понимаете. Да и вам не помешало бы для профилактики успокоительные капли принимать.

— Да, доктор, конечно, — прозвучал в ответ бесцветный голос Делайла, прежде чем я окончательно провалилась в сон.

В тот страшный день я словно сделала шаг в темную бездну. В состоянии апатии и безразличия ко всему встречала и провожала дни. Мир вокруг в моих глазах выцвел, став блеклым, лишенным красок, как и я сама. Я неохотно ела, еда казалась мне пресной и безвкусной, мало разговаривала, уходила от внешних контактов, перестала играть с другими детьми, сидя подолгу неподвижно на одном месте, с каждым днем все больше и больше замыкаясь в себе. В таком подавленном состоянии я даже не поняла, что прошел мой пятый день рождения. Наверняка родители как-то готовились к этому дню, но я теперь этого не узнаю. И никогда не увижу маму с папой.

Я перестала общаться с друзьями. Ведь у всех моих друзей были мама и папа, которых теперь не было у меня, и я не хотела на это смотреть, на эти счастливые семьи. Ведь совсем еще недавно я жила в такой же, а теперь ее нет и никогда уже не будет. Герда упорно звала меня в гости к себе, но я отказывалась идти, потому что там — снова мама и папа. С Ленаром мы практически не разговаривали, даже если находились вместе. Каждый из нас закрылся от всех в своем мире, где под клубящимся, черным ненастным небом над руинами струился дым. Я часто уходила в комнату родителей, где все осталось на своих местах, как и в тот день, когда мы видели их в последний раз, садилась на кровать или в кресло

и погружалась в воспоминания о навеки утраченном.

Один день походил на другой, и все они слились в нечто неразличимое, серое и безжизненное. Вслед за осенью пришла зима, которая так же прошла мимо меня, а потом вновь наступила весна. В один из таких дней я снова пришла в родительскую комнату. Взгляд упал на небольшую книжную полку и разноцветные корешки книг. Пробежав по ним глазами, я встала на стул и достала книгу с черным корешком и золотыми буквами. На обложке, стилизованной под обгоревший по краям лист, в обрамленной вензелями рамке красовалась любопытная компания – двое мужчин и огромный черный кот, стоящий на задних лапах. По книге сразу было видно – коллекционное подарочное издание. Мама такие любила. Что же это за книга? Читать по-русски я еще не умела, поэтому название узнать не смогла. Открыв форзац, увидела надпись на родном эсфирани, сделанную знакомым до сердечной боли, размашистым папиным почерком.

В кармане платья у меня лежал артефакт, похожий на лупу в латунной оправе, который читал вслух текст, если «лупу» приложить к нему. Делайл сделал его не так давно и называл «читалкой». Как только стекло «читалки» коснулось надписи, текст зазвучал, а я замерла, ощутив, как в груди горько заныло.

«Самой огненной лисице клана воды. Самой невероятной женщине во всех мирах. И через сотни лет я буду восхищен тобой. Наслаждайся любимой историей. С годовщиной на-

шей свадьбы! Навеки твой Дарий».

По щекам побежали соленые реки. Прижимая книгу к себе, я осела с ней на пол, позволив безбрежной тоске расплескаться слезами и утянуть меня на дно, в пучину удушающей скорби, где царила лишь непроглядная тьма. Опомнилась лишь когда услышала голос брата – он звал меня с первого этажа. Вернула книгу на место, пообещав себе прочитать ее без артефакта, когда выучу русское письмо. Забежала в ванную комнату, наскоро умылась. Не хотелось, чтобы Рейнар увидел мои слезы. Ему и так сейчас нелегко. Только я собралась покинуть родительскую спальню, как дверь открылась, и вошел брат. Я сразу уловила от него свежий запах леса, молодой травы и шерстки какого-то мелкого зверька.

– Ты в лес ходил, что ли? – спросила я.

– Мы с Делайлом после учебы в лес отправились, полянку одну грибную проверить после дождя. Кстати, удачно: Миана приготовит нам на ужин жульен. Поужинаем сегодня вместе. Как в старые добрые времена, – ответил брат. – Так вот, когда мы отправились домой, наткнулись на двух раненых белок. Они просто лежали в траве под деревом, представляешь? Судя по размеру, подростки еще. Ну, мы с Делом их и забрали домой. Вылечить, выходить, выкормить. Одним словом, у вас с Ленаром появились пушистые пациенты, – заявил Рейнар, безошибочно угадав, что может пробудить мой интерес.

– Я хочу посмотреть на белок, – заявила я брату, загорев-

шись любопытством.

Рейнар с Делайлом не прогадали, забрав домой пострадавших зверьков. Мы с Ленаром дали им имена Лорин и Мариз и активно занялись выхаживанием животных. Уже через две недели бельчата окрепли, окончательно выздоровели, но обратно в лес не спешили. Да и я уже не хотела отпускать Лорин, привыкнув к ней. Так она у меня и осталась жить, а Мариза забрал Ленар. Братья предложили нам применить к белкам магию разума, поделившись частицей своего, и мы охотно согласились. Теперь у нас жили говорящие разумные питомцы. Именно с тех пор мы с Ленаром начали постепенно приходить в себя, медленно оттаивая, как ледяной сугроб под первыми лучами весеннего солнца.

– Надо же, я сегодня уже третий раз вижу, как ты улыбаешься, – промолвил Рейнар, наблюдая, как я скормливаю Лорин фундук. – Это весьма отратно для меня.

Моя питомица молча грызла орех, внимательно слушая наш разговор. Ее темные глазки-бусинки перебегали то на меня, то на брата.

– Просто находится повод, – ответила я ему.

– Надеюсь, этих поводов у тебя найдется еще много, – пожелал Рейнар. – Ведь как бы нам ни было больно и тяжело, мы не должны опускать руки. Родителей там это точно огорчит. А мы ведь не хотим их расстраивать, верно?

Я согласна кивнула.

– Мы утонули в скорби, Марьяна. Если не найдем в себе

силы вернуться из мрака, то мы просто пропадем, и сгинет все, что осталось от мамы с папой. А осталось ведь многое. И это нужно сберечь. Ради нашей к ним любви, ради памяти о них.

– Я всеми лапами за эту мысль, – высказалась Лорин, вызвав у нас улыбки.

Вот так постепенно, благодаря маленькому пушистому существу, я вышла из тьмы на свет, вернулась к жизни. Время шло, и во мне крепло понимание, что мы должны с любовью сохранить все то, что нам осталось от родителей. Их уже не вернуть, мир их душам, но мы у себя внутри должны собрать руины и попытаться заново выстроить крепость. Нужно было вернуть в нашу жизнь то, что еще возможно возродить, – наши общие традиции и семейные ритуалы. Мы снова стали собираться вместе. Две семьи – Ирилейв и Даркмун. Как и раньше. Почти. Вместе мы встречали главные сезонные праздники Эсфира, ходили в лесные походы, собирали ягоды и грибы. В теплое время года приходили искупаться в кристально чистых водах местного озера Иллиль, зимой ходили на каток и снежные горки, а после собирались дома у кого-нибудь из нас, грелись у камина, смотрели кино или доставали любимые настольные игры.

Это давало нам чувство, что, несмотря на нашу огромную потерю, некоторые вещи из прежней жизни никуда не делась, они продолжают, оставшись неизменными, и это стало нашей общей твердой почвой, на которой мы заново стро-

или свой внутренний мир. Воспитывать нас Рейнару и Делайлу помогали наши близкие, Лиаль и Джордано – их дочь Ириана в тот период очень часто оставалась у нас, приходя порталом из Северной империи, где жила вместе с мужем. Когда к нам приходила Вианна – тетушка Делайла по линии отца, – для нас оживали все сказки мира, которые она так мастерски рассказывала разными голосами, что невозможно было отвлечься. Она же подыскала нам хорошую няню, чтобы помочь Делу и Рейну окончить Академию. Им оставался еще год учебы, и честное слово, я до сих пор поражаюсь, как они смогли успешно завершить ее, учитывая тот груз, что лег на их плечи. Ведь как бы они ни были заняты, они всегда умудрялись уделить нам, младшим, свое драгоценное внимание.

Родительские комнаты в наших особняках простояли нетронутыми больше пяти лет. Потом там сделали ремонт, все вещи перебрали, какие-то отнесли в храм для нуждающихся, что-то оставили на память. Какое-то время комнаты пустовали – до тех пор, пока в наших семьях не появились молодожены. И это снова дало нам понять, что жизнь продолжает идти своим чередом.

Вот так, камень за камнем, мы сообща вымещивали свою дорогу из тьмы и скорби туда, где брезжит свет и живет надежда. Прошли годы, и вместо ран на сердце остались шрамы. Бездна боли, наконец, отпустила меня. Осталась только память и светлая грусть. А еще благодарность. Благодар-

ность к той любви, что я впитала с молоком матери и видела каждый день. Благодарность ко всем, кто в трудную минуту оказался рядом, протянув руку помощи.

Я спокойно прихожу сюда, на кладбище, к их общей усыпальнице, не боясь, что меня снова накроет волна отчаяния. Все в этом мире смертно, и мы не исключение. И все, что умирает, когда-то возродится вновь. А значит, жизнь, по сути, не прерывается никогда.

– *Вс-сему с-свое время, дитя-я-я*, – громкий шепот вдруг вырвал меня из череды воспоминаний.

Вздрогнув от неожиданности, я стала озираться по сторонам в поисках источника голоса, но, куда бы ни простирался мой взгляд, вокруг были только склепы, каменные тарианские кресты и усыпальницы, окутанные вечерним полумраком. Зажглись ночные огоньки по всей территории кладбища, озарив рассеянным желтым светом всю территорию. Ветер утих, и все вокруг погрузилось в пронзительную тишину, отчего мне стало не по себе. Не веря своим глазам, я наблюдала, как с неба, кружась и сверкая сотнями кристаллов, падает снег. Снег в середине октября в Восточной империи? Это что еще за чудеса! Я здесь не больше получаса, но насколько помню, когда уходила из дома, измеритель температуры показывал двенадцать градусов выше нуля.

– Что за... Что вообще происходит? – пробормотала я, выйдя из усыпальницы на дорожку и недоуменно глядя наверх, где с неба продолжал лететь снег, словно в насмешку

над климатом востока Эсфира.

Такого за свои пятнадцать лет я не помню! У нас снег выпадает не раньше середины декабря. Ощутив, как озябли пальцы в тонких кружевных перчатках, я подышала на них, и воздух изо рта вырвался стружкой пара. Осеннее пальто вдруг показалось мне насквозь промерзшим. Прямо передо мной, на моих глазах, лужа воды, что осталась после вчерашнего дождя, стремительно покрывалась коркой льда. Нет, нет, нет, такого просто не может быть! Что здесь творится?

В полном оцепенении, не в силах даже сдвинуться с места, я ощутила, как меня обуял страх, сковав тело своими невидимыми путами. Сердце колотилось так, словно сейчас пробьет грудную клетку. Происходило явно что-то из ряда вон, и я даже дышала через раз, застыв, как ледяное изваяние. По стылой земле, припорошенной снегом, крадучись, стелился туман. Лужа передо мной уже полностью замерзла и покрывалась тонким снежным пушком. Я наконец смогла совладать с собой и сделала медленный шаг к выходу с кладбища.

И тут на снежной пелене, укрывшей лед этой самой лужи, начали появляться непонятные мне знаки, складываясь в такие же незнакомые слова. «Это какое-то послание? Ничего не понимаю», – тихо промолвила я, не сводя глаз с надписи. Ее язык оказался мне не знаком...

– Марьяна! Марьяна-а-а! Ты что, не слышишь меня?

Знакомый голос, прозвучавший где-то совсем близко, вы-

вел меня из состояния оцепенения, а вместе с ним рассеялся морок. Исчезли снег и туман, словно их и не бывало, и все та же лужа передо мной отражала свет уличных фонарей. Порывом ветра закружило в вихре пожелтевшие листья. Ко мне спешил взволнованный Делайл.

– Мари, с тобой все хорошо? Ты меня слышишь? – промолвил он, мгновенно оказавшись около меня, и заглянул мне в лицо.

– Д-да, я слышу тебя, – ответила я, заикаясь. – Все в порядке.

– Точно? – спросил он с сомнением в голосе. – Я несколько раз тебя звал, а ты словно не слышала меня, стояла и озиравалась вокруг. А потом эту лужу глазами гипнотизировала. Что случилось?

– Ничего, Дел. – Я как можно спокойнее пожала плечами. – Я просто задумалась и заблудилась в своих мыслях, забыв обо всем вокруг. Со мной такое бывает. Тем более здесь, в этом месте.

Рассказывать правду мне не хотелось. Если б он был сейчас один, я бы, может, и поведала ему об этом странном явлении. Все-таки я ему доверяла как родному брату, но холодный, пронизывающий, недовольный взгляд светло-зеленых глаз, сверливший меня из-за его спины, не располагал к откровениям. Лучше придержу язык.

– Ты давно здесь? – вновь задал вопрос Делайл. – Поехали с нами. Мы прибыли сюда раньше тебя, провели моих,

потом к родным Айны сходили. Можем подбросить тебя до дома. Ты же наверняка приехала сюда на общественном экипаже.

Я в ответ кивнула.

– Но мы же собирались посидеть в таверне! Ты обещал! – капризным тоном возразила его спутница и вновь сверкнула в мою сторону недовольным взглядом.

Зря стараешься, милочка. Такими фокусами меня не впечатлишь. И уж точно не смутишь. Не зря Вианна невзлюбила эту девицу. Не любит наша тетушка непомерный гонор и вздорную натуру. Хотя – а кто любит?

– И посидим. Мы просто поедем другим путем, Айна. Ничего не отменяется. Тем более, время нам никто не засекает. Но, повторяю, долго сидеть я сегодня не намерен, пойми меня правильно. В канун гибели родителей мне не хочется шумных посиделок и встреч.

Я прекрасно понимала чувства Делайла. А вот его пассия, кажется, слушала, но не услышала, о чем он ей говорил. Айна явно осталась недовольна моим обществом. И чего я ей сделала? Делить нам нечего.

По пути домой я невозмутимо достала томик «Мастера и Маргариты» Булгакова, тот самый, найденный мной среди маминых книг десять лет назад, и, достав закладку в виде ко-та Бегемота с рюмкой, погрузилась в чтение. Флюиды негатива, исходящие от Айны, ощущались кожей, и мне все-таки стало от этого некомфортно в небольшом закрытом про-

странстве. Книга оказалась отличным решением, чтобы это время как-то перетерпеть.

Проезжая Торговую площадь, Делайл остановился у одной из пекарен, сетуя на то, что у них с Ленаром мышь в холодильном шкафу повесилась, потому что Миану забыли попросить приготовить поесть, и стоило ему выйти из экипажа, как Айна, вперив в меня ненавидящий взгляд, подавалась вперед.

– Думаешь, я не вижу и не понимаю, как ты смотришь на него? – чуть ли не шипя промолвила она.

Ну вот, началось...

– Как? – задала я вопрос, стараясь сохранять на лице маску равнодушия.

Айна злобно усмехнулась.

– Как на мужчину! – выдала она, на что я лишь вскинула бровь.

– А я должна, по твоему мнению, смотреть на него как на женщину? – спросила я, тщательно скрывая улыбку.

Происходящее начинало меня забавлять. Она что, в самом деле меня ревнует?

– Вот только не надо делать из меня дуру, – в голосе Айны послышались нотки металла.

– Даже не думала, – заверила я. – Природа уже все сделала за меня.

Услышав это, Айна мгновенно вспыхнула.

– Что ты себе позволяешь! Да ты совсем охамела в край! –

воскликнула она, кипя от злости. – Такая мелкая, а уже такая...

И она замолчала, сжав губы в упрямую, тонкую линию.

– Ну, чего замолчала? Какая? – спросила я с улыбкой, больше похожей на оскал.

Ответить она ничего не успела – открылась дверь, и вернулся Делайл, принеся с собой умопомрачительно аппетитный запах выпечки.

Судя по его непринужденному виду, он не ощутил никакого напряжения между Айной и мной. Впрочем, мужчины к таким вещам удивительно нечувствительны.

– Смотри, Мари, я взял для вас с Ленаром курник, пирог с сыром и шпинатом и две слойки с малиной. Завтра придет Миана, полдня она у вас, полдня у нас. Я распорядился, чтобы она приготовила поесть на несколько дней и вам, и нам.

– Спасибо, Дел, – поблагодарила я его. – Не стоило так беспокоиться за мой ужин, что-нибудь нашла бы.

– А так и искать ничего не придется. И нам с Рейном спокойней будет, что наши младшенькие поели, – Делайл тепло улыбнулся мне.

– Младшеньким уже по пятнадцать, – возразила я, вернув ему улыбку.

– Для нас вы всегда будете младшенькими, – ответил Дел, снова улыбаясь, и тронул мое плечо.

Айна незаметно закатила глаза, так, чтобы это увидела только я. М-да, Элоизе она бы точно не понравилась, Вианна

тоже от нее не в восторге, а Делайл вон кольцо помолвочное ей надел. А значит, не за горами и свадьба. Кажется, нынешний глава семьи Даркмун в выпечке разбирается куда лучше, чем в женщинах. Вляпался ты, дружище, по самые бровушки, да так, что глазоньки твои ничего не видят. Как есть – любовь зла!

Мы уже почти подъехали к дому, как ни с того ни с сего Айна положила голову на плечо Делайлу, глядя на него с миленьким, и накрыла его руку своей.

– Надеюсь, наша помолвка пройдет как по маслу, – чуть ли не пропела она медовым голосом, бросив мимолетный взгляд в мою сторону.

Ну, теперь понятно, для кого это представление разыграно! Боги великие, Дел, миленький, во что же ты вляпался?

– Как по маслу – это такое относительное понятие, – промолвила я с невинным видом. – В «Мастере и Маргарите», например, у Берлиоза вечер тоже прошел как по маслу. Итог сложно назвать удачным.

Делайл, зная, о чем я говорю, хмыкнул в кулак, беззвучно смеясь.

– Не поняла, – настороженно произнесла Айна. – А что не так?

О-о-о, кажется, кто-то активно прогуливал уроки литературы в школе. По крайней мере, ту часть программы, где мы изучали ярчайших представителей земной классики.

Экипаж затормозил около моего дома, и я спешно поки-

нула салон, не без удовольствия заметив на ходу, как злобно блестели глазки избранницы Делайла. А вот не надо было лезть на рожон!

Весь вечер мы провели вместе с Ленаром, как во время нашего детства, и я то и дело ловила себя на мысли, что ухожу в себя, вспоминая сегодняшний странный случай на кладбище. Что это было, осталось для меня загадкой, как и значение надписи.

Ответ нашелся спустя годы, многое расставив по местам.

Глава 3. Ваниль и корица

*Пять лет спустя, княжество Ривэрейн, Дэлтарра
Делайл*

Звуки леса ласкали мой обостренный слух оборотня, и в этой разноголосой симфонии я мог расслышать каждый элемент: переливы птичьих голосов, удары дятла по стволу дерева, шепот ветра в зеленых кронах, цокот беличьих зубок об орех где-то совсем рядом, фыркание лисы. Августовский лес наполнился ароматами влажной земли после дождя, травы, прелых листьев, грибов с поляны поблизости, озерной воды, в которую нежно вплетался аромат раскрывшихся кувшинок. С наслаждением я вдохнул полной грудью свежий воздух, все еще находясь в звериной ипостаси, доставшейся мне от отца, – черной пантеры. Мне хотелось побегать, как следует размяться, побыть наедине с природой и окунуться в любимом с детства озере. Все было прекрасно до определенного момента.

Я лежал на берегу, глядя на плывущую вату облаков, и думал о насущном. Вспоминал прошедшую в июне свадьбу Эрика и Герды, июльскую свадьбу моего младшего брата. Сегодня вечером они с Алессой вернутся из долгого свадебного путешествия, и я еще утром попросил Миану приготовить семейный ужин. Через неделю свадьба моего названного брата Рейнара. В усадьбе семьи Ирилейв появится еще одна

хозяйка. Марьяна несказанно рада предстоящему событию. Помню, она всегда, приезжая домой на каникулы, сетовала, что дому нужна постоянная женская рука.

Это лето выдалось щедрым на свадьбы среди моего ближайшего окружения. И на каждой из них я участвовал в церемонии бросания галстука жениха. Считалось, что поймавший его женится следующим. Не то чтобы я хотел жениться, скорее наоборот, просто соблюдал традицию. На деле я даже не старался поймать его. Когда-то я думал, что нашел свою вторую половину, но жестоко ошибся. И где в тот момент жизни была моя магическая проницательность, усиленная чутьем пантеры? По всей видимости, розовые очки влюбленности способны закрыть даже кошачьи глаза. «Тьфу ты!» – плюнул в сердцах, мысленно отмахнувшись от горьких воспоминаний. Не хочу к ним возвращаться!

Внезапно послышались чьи-то торопливые шаги, и я ощутил кожей дуновение ветра – кто-то стремительно пробежал совсем рядом. В ноздри ворвался знакомый тяжелый аромат смеси сандала и ладана. Сердце в груди совершило кульбит, забившись в ускоренном темпе, повинувшись нахлынувшему коктейлю эмоций: досаде, сожалению, злости, обиде и разочарованию, а в целом – воспоминанию о величайшем разочаровании в моей жизни. Резко встав, я принялся спешно надевать рубашку, намереваясь покинуть любимое мной место. Сейчас здесь стало неуютно из-за одной известной мне особы, с которой когда-то я делил постель, мечты и судьбу.

Айна. Раздери тебя демоны! Я не хотел ее слышать, а видеть тем более! Миллион раз я проклял тот день, когда впервые увидел ее, и сейчас я снова мысленно это сделал. Отныне между нами миллионы световых лет, миллиарды звезд и биллиарды тех мгновений, которые уже не сбудутся никогда. Но это был ее выбор.

– Делайл? – знакомый голос с вопросительными интонациями резанул мой слух. – Что ты здесь делаешь?

– Какая к демонам разница! То же самое, что и всегда на протяжении многих лет, – угрюмо ответил ей я, даже не взглянув в ее сторону.

И откуда только она взялась здесь? Раньше Айна без меня сюда не приходила, а после нашего разрыва уехала с новоиспеченным женихом в соседнее княжество Ланнартайн. И я был несказанно этому рад. С глаз долой – из сердца вон. Так сказала тетушка Вианна. Но, признаться самому себе, выгнать вон из сердца ту, которую сам однажды впустил туда, оказалось не так легко, как хотелось бы.

– Дел, постой! – попыталась она меня остановить. – Я хотела тебе сказать...

– А мне плевать, что ты собиралась мне сказать! Мы давно уже все друг другу сказали! – грубо пресек я ее попытки со мной заговорить.

– Но ты должен...

– Я. Ничего. Тебе. Не должен, – отчеканил я. – Мы друг другу никто, – и, перекинувшись в пантеру, направился

прочь от озера.

Умиротворение, царившее в моей душе, оказалось варварски разрушено. Сердце сходило с ума, кровь кипела в венах, неся по ним глухую злость. Что ей нужно от меня? Какого демона она вообще врывается в мою жизнь? Неужели ей мало было однажды уничтожить мои доверие и любовь? Теперь-то что ей нужно? Думает, что я по сей день ею болен? Как бы не так! Я все же сумел вырвать это чувство из своего сердца прямо с корнем. Было мучительно больно, но со временем прошло. Все, кого мы встречаем в нашей жизни, остаются в ней по-разному. Кто-то теплом, кто-то – светом. А кто-то шрамами и горечью. Когда я встретил Айну, то посчитал, что это прикосновение Бога к моей судьбе. Как же я был наивен...

Слава Богам, ей хватило ума не бежать за мной следом. Меня же злость гнала прочь из леса в сторону дома. Лапы вымокли от капель утреннего дождя, оставшихся на траве. Запах сандала с ладаном, ставший с тех пор ненавистным, ощущался все слабее. «Прочь из моей головы, прочь!» – восклицал я про себя, все еще находясь во власти злости.

Может ли аромат мысленно возвращать в прошлое? Еще как может. Только я этого не хочу. Не хочу, и точка! Больше никогда не позволю себе этой слабости! Постой-ка... Ветер доносил по воздуху умопомрачительный аромат домашней выпечки. Ванилин и малина. Сердце дрогнуло в звериной груди, и по венам разлилось нечто необъяснимое, томи-

тельно-прекрасное, тягучее. Что-то такое, что невозможно объяснить словами.

Может ли аромат мысленно возвращать в прошлое? Еще как может. И в это прошлое я мысленно сейчас вернулся, вспоминая его с теплом и благодарностью к тем, кого уже который год нет рядом. Далеко позади осталось беззаботное время детства и юности, напоминавшее теперь о самом ценном и отрадном. Остановившись, я втянул сладкий аппетитный запах. Так пахли мамины слойки с малиной. Аромат возродил в памяти целую вереницу приятных воспоминаний, пронизанных семейным уютом. Мы, несмотря на горечь потери, смогли этот уют сохранить. Ради памяти. Ради продолжения жизни. И в этом была немалая заслуга Марьяны как женщины. Даже будучи ребенком, она была настоящей маленькой хранительницей домашнего очага. Наверное, стоит при первой же возможности сказать ей об этом и поблагодарить самыми искренними словами.

При воспоминании о рыжеволосой девушке с ипостасью огненной лисицы в самой глубине сердца что-то ярко вспыхнуло, будто порывом ветра разбудило тлеющий уголек. В груди разлилось маелное, теплое и сладкое... Уже который раз. Да что же это со мной творится!

Пока я задавался этой мыслью, лапы сами собой привели меня к усадьбе Марьяны и Рейнара. Так вот откуда этот невероятный запах родом из детства! Зайдя во двор своего дома, я быстро пересек его, оказавшись во дворе семьи Ири-

лейв. Из открытого окна кухни на первом этаже был слышен голос Марьяны, пока она разговаривала с кем-то по кристаллофону.

– Марэя, ни о чем не волнуйся, спокойно пакуй вещи, я обо всем распоряжусь и все проверю. Сегодня утром приходил мебельщик, ваш спальный гарнитур уже собран, вымыт Мианой от пыли и застелен. Да, да, конечно. Да не за что. Давай, ждем.

– Марьяна, привет, – позвал я хозяйку дома, которую помнил еще младенцем.

Именно по этой причине я еще долго и упорно видел в ней милого, красивого ребенка, даже когда она вышла из детского возраста, превратившись в прекрасную девушку, увлеченную балетом, что лишь добавляло ей очарования и притягательности.

– О, Дел, привет! – Ее звонкий, серебряный голос прервал мои мысли, которые снова пошли в каком-то странном направлении.

– Привет! – поздоровался я с ней в ответ. – Не сочти меня за наглого котяру, но божественные запахи с твоей кухни ощутимы даже в лесу, и я соблазнился.

Дело, конечно, не столько в манящих ароматах, сколько... Впрочем, об этом лучше не думать.

– Я хочу семейный ужин устроить, когда наши парочки приедут, и к нему решила испечь пирог с мясом и грибами и сладкие слойки, – поведала Марьяна. – Пирог пока печется,

а малиновые слойки уже остывают, так что заходи, задняя дверь не заперта, а я пока чай поставлю.

Конечно, я иду сейчас к ней исключительно ради слоек. Только ради них.

Дома она была одна. Рейнар с будущей супругой должны приехать сегодня вечером. До свадьбы оставалось совсем ничего, и Марэя постепенно перевозила все необходимое ей в свой будущий дом, а Марьяна с невероятным воодушевлением помогала ей обустраиваться и подготавливать будущие супружеские покои.

– Я в обед разговаривала с Алессой, она сказала, что придут примерно после пяти вечера. Миана у тебя. Уже запекает курицу, а к ней будет картофель молодой с зеленью. Ну и салатов парочка незатейливых, – сообщила мне Марьяна, когда я зашел на кухню. – Я чуть позже к ней подойду помочь, как разберусь тут со своей выпечкой.

– Какая ты расторопная, Мари! – воскликнул я. – Мне так неудобно, что я все это время прохлаждался у озера. Сейчас, пожалуй, угощусь твоими слойками и пойду сам помогу Миане. Хотя с ее виртуозным владением бытовой магией она, возможно, справится прежде, чем я выпью этой чай.

Марьяна вдруг шумно втянула воздух, забавно сморщив нос.

– У тебя новый парфюм? – спросила она. – Если мне не изменяет память, конкретно этот букет ароматов не является твоим фаворитом. К тому же... Он женский, Дел! Или... Ой,

прости, это, наверное, не мое дело, – пролепетала Марьяна, смущенно отведя глаза.

Кажется, она подумала, что я был с женщиной. Стало досадно от этой мысли. Не хочу, не хочу, чтобы она думала, что у меня кто-то есть! Лучше сказать ей правду.

– Когда я бегал к озеру, мне тут кое-кто повстречался. Айна.

Удивленно воззрившись на меня, Марьяна покачала головой.

– Айна? Давно я не видела ее в наших краях. Она пыталась с тобой заговорить? Что ей нужно?

– Без понятия, что ей нужно. – Я развел руками. – Она хотела завязать диалог, но я ушел.

– Хм, – задумчиво хмыкнула Мари и, встав из-за стола, открыла навесной шкаф, достав оттуда пару чайных чашек с блюдами.

– Ладно, Боги ей в судьи, – решил я сменить неприятную тему.

– Кстати, рецепт этих слоек я нашла в маминой поваренной книге. Там под названием рецепта было подписано: «От моей Эллы». Так что это особые слойки, – промолвила она с улыбкой, и в этот момент, глядя на нее, я ощутил прилив небывалой нежности к ней. Зацеловать бы сейчас в сладком исступлении это милое личико, так чтобы румянец расцвел на щеках маковым цветом!

Так. Стоп. Выдох. Вдох.

– А раньше ты эту книгу не находила? – поинтересовался я.

– Пару лет назад она мне попала в маминой библиотеке, – ответила Мари. – Вообще странно, что она среди всех остальных книг оказалась. По идее, рецепты держат на кухне. Я тогда пролистала ее, отметила несколько заинтересовавших меня блюд и принесла на кухню. Время от времени брала что-то оттуда, но на малиновые слойки наткнулась недавно. Книжечка все-таки толстенькая, там, я думаю, много еще чего интересного найдется.

– И охота тебе возиться? – удивился я.

– Ну я же не каждый день это делаю, а по вдохновению. В такие моменты меня готовка успокаивает, как ни странно, – призналась она, ставя передо мной широкое блюдо с красиво уложенными слойками, припорошенными сахарной пудрой.

– Ты самая необычная балерина, – вслух сказал я то, что возникло в моих мыслях.

– Ой, да ладно тебе, – в шутку отмахнулась она. – Скоро отбор для главной партии в «Бездне океана», а я за каникулы что-то совсем распустилась. Расслабилась. Два лишних килограмма набрала, безобразие!

– Я их что-то не заметил, – сказал я, желая ее ободрить. – Уверен, ты в отличной форме. В конце концов, расслабляться время от времени тоже нужно. И это, между прочим, твои слова.

– Ну да, – согласилась она.

Откусив кусочек от слойки, я не смог сдержать довольного мычания.

– М-м-м, Мари, ты просто богиня. Это же чудо! Я сейчас язык проглочу!

Довольная улыбка расцвела на ее красивом лице.

– Ну, значит, не зря я возилась с ними. Спасибо тете Элоизе за рецепт, мир душе ее.

Внезапно прямо над домом раздался громовой раскат такой силы, что задребезжали оконные стекла. Вздвогнув, Марьяна посмотрела в окно – там виднелось стремительно темнеющее небо и расползающиеся по нему темно-свинцовые грозовые облака, грозящие проливным дождем. Яркой вспышкой ветвистая молния вспорола беспокойный небосвод, а вслед за ней очередной раскат грома сотряс пространство от неба до земли. Порывом ветра распахнуло створку окна и растрепало легкие кремовые занавески. Встав из-за стола, Марьяна неплотно притворила окно, оставив маленькую щелку для проветривания. Ветер разметал ее вьющиеся каштаново-рыжие волосы, донеся до меня неповторимый медвяный аромат розовых лепестков. Взметнулась длинная юбка ее домашнего платья, на миг приоткрыв голые точеные икры. Эта картина невольно вызвала во мне волну жара, охватившего меня с головы до ног. Успокоившееся было сердце вновь ускорило свой ход.

Не в первый раз я поймал себя на мысли, что разглядываю Марьяну с интересом мужчины. Вот только когда настал

тот момент, в который я начал замечать в ней невероятно привлекательную девушку? Этим летом? Нет, кажется еще раньше. Весной, наверное... Или еще зимой? Я и сам не понял, когда это произошло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.